

Сопротивление немоты

Марина Симакова

Как может показаться из названия, *Лесбийский дневник* Лолиты Агамаловой представляет собой не столько решение художественной задачи, сколько свидетельство. Однако свидетельствует он вовсе не о тяготах повседневности и даже не о перенесенных травмах: он свидетельствует о невозможности эмансипации языка. Всякий язык, даже язык радикальной феминистской прозы – это оккупированная территория, всегда уже занятая и размеченная мужчиной. Сопротивление здесь начинается с отказа коллаборировать с режимом при необходимости выживать в условиях, продиктованных нуждами языковых оккупантов. Затем дело уже стоит за упорством и последовательной диверсией, которая нередко оборачивается против самого повстанца. Попытаться прорвать ткань мужского языка несмотря ни на что – вот она творческая и политическая задача, как кажется, заранее обреченная на неудачу.

Дневник, преследующий цель сбросить гнет языка – мужского по определению, языка самопровозглашенных господ, мародеров и насильников – действительно то и дело терпит поражение, вставая и терпя крушение вновь. Он разбивается о собственный исковерканный синтаксис, о движение означающих, и даже о философскую традицию (в первую очередь, о постструктурализм со всей его беспомощной чувствительностью к фаллоцентризму). Деконструировать еще не значит обезвредить, ведь всякая технология, коей является язык как символическая система, словно терминатор, способна быть восстановленной из собственных элементов. Для этого ей требуется человек, относящийся к ней как к средству. Именно поэтому Агамалова намерена его саботировать, избирая в качестве контр-меры перформативное тело, говорящее болью и кровью – то самое *body that matters*.

Правда, и этот язык есть всего лишь неизбежная полумера на пути к мобилизации самого главного оборонительного оружия – немоты. Его надлежит найти в непроходимой символической чаше, его нужно высвободить из пленяющей и насильственной речи: «Когда не станет субстанции немоты, оно [желание] станет немо. Я ищу его среди мхов». Немота конститу-

ирует отсутствие самой себя как субъекта желания и говорения – всегда чуждого и чужого, она превращается в щит. Немота оказывается не только центральным мотивом, но и эпистемологическим основанием этой прозы, если угодно – сердцевиной ее метода. Субъект «Дневника» начинается не с жеста преодоления прорехи в языке, но с полной идентификацией с этой прорехой, которая шаг за шагом превращается в место любви. Так Агамалова выводит язык из ранга общей социальной онтологии: он ведь принадлежит порядку мужчин, оставивших свой неприглядный быт женщинам и рабам для того, чтобы быть свободными *говоря друг с другом*.

Здесь можно предугадать две линии критики. Первая – за воинственный (если не сказать воинствующий) сепаратистский феминизм. Однако в данном случае он является не позой, но отрефлексированной позицией, обратной стороной молчания всех, кто низведен до статуса крикливой жертвы. Вторая – за демонстративную философичность. За ней тем не менее стоит вовсе не желание показаться знатоком современной французской философии и пощеголять эрудицией. Агамалова просто отказывается маскировать свой способ письма, изуродованный мужской культурой, с помощью «новой искренности»; она не боится предъявить его избыточность, неповоротливость и неоправданную сложность – *так* говорит не она, не мы (мы немь!). Именно так, одновременно на языке войны, секса и философского знания, говорит тот, кто когда-то захватил само говорение.